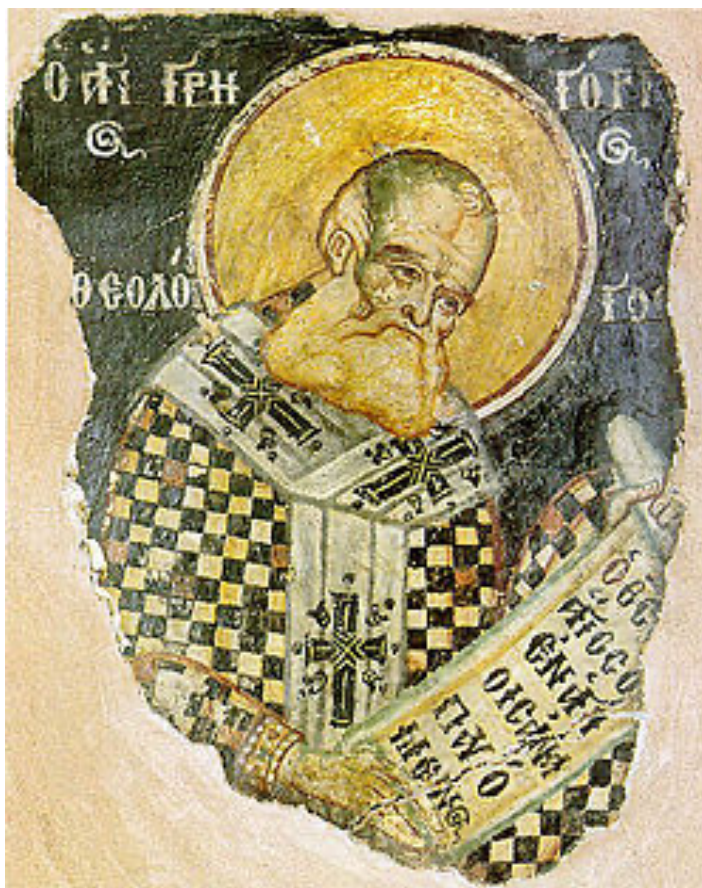

Житие святого отца нашего Григория Богослова, патриарха Константинопольского

Память 26 января/7 февраля

Отечеством святого Григория Богослова была вторая, или южная Каппадокия, город Назианз¹, по имени которого он и называется Назианзином. Родители его были благородные и почтенные люди: отец по имени также Григорий и мать Нонна. Но отец его раньше был неверующим, так как происходил от неверующих родителей: от отца язычника и матери иудейки. В своей вере он и следовал обоим, придерживаясь как языческого заблуждения, так и иудейского неверия. В этом и состоит так называемое ипсистерийское лжеучение². Мать же святого Григория, блаженная Нонна, происходила от христианских родителей, и сама была благочестивою христианкою. С раннего детства она была воспитана в благовестии и совершеннейшим образом научена страху Божьему, который есть начало всякой премудрости. По Божьему же предназначению, она была соединена брачным союзом с неверующим мужем, чтобы и его привести к святой вере: **"Ибо неверующий муж освящается"**, по слову Апостола, **"женою верующею"** (1Кор.7:14). Так и случилось. Нонна, постоянно убеждая своего мужа богомудрыми речами и со всем усердием молясь о нем Богу, привела его, с помощью Божьей, к христианской вере. Мужу ее было от Бога такое видение во сне: ему казалось, что он поет из псалма Давидова слова, которых он никогда не имел в своих устах, а разве только слышал когда-либо от своей супруги, часто молившейся. Сам он никогда не молился: он и не знал, как молиться, и не хотел этого. Слова же, которые он пел в сонном видении, были следующие: **"Возрадовался я, когда сказали мне: `пойдем в дом Господень"** (Пс.121:1). Во время этого пения он ощущал в сердце особенную сладость, и, проснувшись, возрадовался, а затем рассказал об этом своей

супруге. Она уразумела, что Сам Бог призывает мужа ее к Своей святой Церкви, - начала еще усерднее поучать его христианской вере и наставила его на путь спасения. В это время случилось святому Леонтию, епископу Кесарии Каппадокийской, отправлявшемуся на первый вселенский собор, созванный в Никее³, остановиться в городе Назианзе. К нему привела блаженная Нонна своего мужа, и Григорий был крещен руками святителя. По принятии святого крещения, он начал праведную и богоугодную жизнь, подобающую истинному и совершенному христианину. При этом он настолько преуспел в благовести и добрых делах, что избран был впоследствии на епископский престол в том же городе Назианзе (о чем будет речь ниже).

Живя с таким мужем в честном супружестве, блаженная Нонна желала стать матерью младенца мужского пола. Она воссылала усердные молитвы к Подателю всех благ, чтобы Он даровал ей сына, и еще ранее зачатия его обещала, как некогда Анна Самуила⁴, посвятить его на служение Богу. Господь, исполняющий волю боящихся его и внимающий их молитвам, исполнил прошение сердца благочестивой жены, и в ночном сонном видении Своим откровением предсказал ей имеющего от нее родиться отрока. И видела блаженная Нонна, еще раньше рождения сына, каков он будет лицом, и предузнала его имя. Когда затем она родила младенца мужского пола⁵, то нарекла его по имени отца Григорием, как это было ей предвозвещено в сонном видении. Она возносила великое благодарение Богу и его промыслу вручала рождённого отрока; с полным усердием она приносила в дар Богу то, что получила от Него по молитве. Однако не тотчас крестили младенца. В те времена существовал у многих христиан добровольный обычай отлагать крещение до зрелого возраста, и до того года, на котором Христос Господь наш крестился от Иоанна в Иордане, - чаще всего до тридцати трех с половиною лет⁶. Впоследствии этот обычай, по уважительным причинам, был устранен тем же святым Григорием Богословом, Василием Великим, Григорием Нисским и другими великими отцами. Таким образом, Святой Григорий был крещен, не тотчас по рождении, но, согласно древнему обычаю, принятому у христиан, крещение его было отложено до возраста лет Христовых.

Отрок был воспитываем согласно христианским обычаям. Когда он достиг школьного возраста, его тотчас начали учить книгам. Возрастая годами, Григорий возрастал и разумом. В соответствие своему имени⁷, он был рассудителен, бодр духом, усерден в учении, и превосходил по уму своих сверстников. Даже отроческие годы не служили ему препятствием понимать то, чему поучаются достигшие совершенного возраста и разума. Еще в детстве он обнаруживал такое поведение, какое свойственно старцам. Детские игры, пустые забавы и всякого рода зрелища, он ненавидел, а упражнялся в гораздо лучшем и проводил время в учении, а не в праздности. Когда он достиг юношеского возраста, благочестивая мать многими своими материнскими наставлениями поучала его благовести. Она поведала ему, что он есть плод ее молитвы, что усердными молитвами она испросила его у Бога, и еще прежде зачатия обрекла его на служение Богу. Добрый юноша слагал слова матери в сердце своем и просвещался душою в вере, надежде и любви к Христу, истинному Богу. Более всего он возлюбил целомудрие души и чистоту тела, а равно поставил себе законом тщательно хранить свое девство до самой кончины. К этому он был вразумлен частью многократными и сердечными материнскими наставлениями, а частью бывшим ему в юношеских годах сонным видением. О последнем он сам, много спустя, рассказывал так: однажды, во время сна, ему показалось, что вблизи него стояли две девицы, облеченные в белые одежды. Обе были красивы лицом; возрастом и годами одинаковы. На них не было никаких наружных украшений: ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни драгоценных камней, ни дорогих ожерелий; они не были украшены ни шелковыми мягкими одеждами, ни золотыми поясами; они не гордились ни красотой лица, ни роскошными бровями, ни распущенными волосами, ни какими-либо другими особенностями, которыми мирские девицы стараются нравиться и уловлять сердца юношей. Одетые просто в чистые белые одежды и скромно опоясанные, они имели не только головы, но и лица, покрытые тонкими покрывалами. Глаза их были опущены вниз; ланиты краснелись от девического смущения

и свидетельствовали о целомудрии; уста напоминали цвет ярко-красной розы; молчанием своим он обнаруживали величайшую скромность. Святой Григорий, смотря на них, ощущал в своем сердце великую радость и думал, что это не земные существа, а высшие, превосходящие природу человеческую. Он, видя, что он очень доволен созерцанием их, возлюбил его и обнимал его, как дитя свое. Тогда он спросил их: кто он, и откуда пришли? Первая сказала, что она есть Чистота, а другая назвалась Целомудрием. При этом они разъяснили, что предстоят пред престолом Царя славы Христа и наслаждаются красотой небесных девиц. Они говорили:

- Будь, чадо, единомысленным с нами; ум свой соедини с нашим умом и лицо свое сделай подобным нашему. Тогда мы тебя, блистающего величайшею светлостью, вознесем на небеса и поставим близ бессмертного Троичного света.

Сказав это, они стали подниматься на небо, и, подобно птицам, вознеслись вверх. Отрок Григорий проводил их радостным взглядом, пока они не скрылись в небесах. Проснувшись, он ощущал несказанную радость, и сердце его исполнилось веселья. С этого времени он воспламенился ревностью к тщательному охранению своего девства. Он старался соблюсти его полным воздержанием, избегая всякой вкусной пищи, пьянства и пресыщения.

По рождении святого Григория, блаженная Нонна родила и другого сына, по имени Кесария⁸, и дочь Горгонию. Она воспитывала их в благоветии и книжном учении. Между тем, блаженный Григорий, желая усовершенствоваться в ораторском красноречии, в школьной мудрости и всякой мирской эллинской учености, отправился сначала в Кесарию Палестинскую⁹, которая в то время славилась школами и ученостью. Там он имел учителем ритор Феспесия. Затем он перешел в Александрию¹⁰, собирая сокровища мудрости у многих мужей и обогащаясь умом. После этого он пожелал отправиться в Афины¹¹ и сел на эгинский¹² корабль вместе с язычниками. Когда плыли мимо острова Самоса¹³, поднялась на море сильная буря. Все отчаивались в спасении своей жизни и плакали в виду телесной смерти. Григорий же плакал, боясь духовной смерти, так как еще не был крещен, а только оглашен. Он вспоминал прежде бывшие чудеса Божий в водах: переход Израильтян чрез Чермное море и спасение Ионы из чрева кита. Он с воплями молился Богу? прося избавления от гибели в волнах. Эти его бедствия во время морского путешествия были открыты родителям его в сонном видении. Они тотчас стали на молитву и проливали пред Богом горячие слезы, прося у Него помощи бедствующему на море сыну. Бог, хранивший раба Своего Григория на пользу многим и приготовлявший его в столпы Церкви, укротил свирепую бурю и запретил ветрам; на море наступила полная тишина. Все, находившиеся на корабле, видя себя, сверх ожидания, спасенными от гибели и как бы вырванными из уз смерти, прославили Христа Бога. Они знали, что только призыванием его всемогущего имени в молитве Григория укрощено море. Сверх того, один юноша, товарищ святого по путешествии, видел ночью во сне, во время волнения и бури, что мать Григория, блаженная Нонна, поспешно пришла по морю, взяла погружавшийся корабль и привела его к берегу. Когда волнение улеглось, он рассказал всем о видении, и все исповедали Бога Григориева, как Великого Помощника, - возблагодарили его и уверовали в Него. Кроме того, отцу Григория, со слезами молившемуся в Назианзе о сыне своем и затем уснувшему после молитвы, было и другое видение. Он видел одного яростного беса, Эринна, который старался погубить Григория на море, Григорий же схватил его руками и победил. Из этого видения узнал отец Григория об избавлении сына от гибели и вознес с супругою благодарение Богу.

Последующее путешествие по морю Святой Григорий совершил благополучно и прибыл в Афины. Там, изучая светские науки, он был для всех предметом удивления вследствие необычайной остроты своего ума и целомудренной жизни. Спустя немного времени, прибыл в Афины и Святой Василий¹⁴ ради усовершенствования в светской мудрости. Оба они - Григорий и Василий - стали искренними друзьями и сожителями. Один у них был дом, одна пища, один дух, одна мудрость, один нрав, - точно у единоутробных братьев. Оба они стали знаменитыми и уважаемыми в Афинах, ибо в течении небольшого

времени они превзошли своих учителей; сами будучи учениками, они стали учителями для своих учителей. В это же время, когда Констанций, сын Константина Великого, царствовал над греками и римлянами, Юлиан, ставший впоследствии царем и отступником от Бога, учился в Афинах философии. О нем часто говорил Григорий:

- Какое великое зло воспитывает греческая и римская земля!

Он уже провидел, что должно было случиться.

Григорий и Василий прожили в Афинах много лет, изучили все науки¹⁵ и усовершенствовались в них настолько, что сами возвысились над всею афинской мудростью. Тогда Василий отправился в Египет к боговдохновенным мужам учиться мудрости духовной, как об этом повествуется в его житии, а Григория афиняне убедили своими просьбами принять учительское звание. Прожив там недолго после Василия, Григорий услышал, что отец его поставлен в Назианзе в епископа. Немедленно он возвратился на родину к отцу своему, имея уже тридцать лет от рождения, и принял святое крещение от рук отца. Он хотел тотчас отречься от мира и идти в пустыню, но, будучи удерживаем отцом, оставался при нем дома. Он поставил для себя правилом - никогда не употреблять клятвы и не призывать имени Божьего всуе, и сохранил это правило до конца своей жизни. Он постоянно занимался чтением Божественных книг и проводил в Богомыслии дни и ночи; неоднократно он созерцал в видениях и Христа. Отец против воли поставил его пресвитером, а затем хотел посвятить его и в епископа, но святой Григорий, уклоняясь от такого сана и почестей, а также, стремясь к иноческому безмолвию, тайно бежал из дома и пришел в Понт к своему другу, святому Василию. Последний также был уже пресвитером и устроил в Понте монастырь, куда собралось множество иноков. Он писал к Григорий из Понта, настойчиво приглашая его к себе. Таким образом, они снова, как и раньше в Афинах, начали жить вместе, имея каждый в другом образец добродетели и подражая один другому. Вместе же они писали для иноков уставы постнической жизни. Так прожил Святой Григорий со святым Василием довольно долго.

Между тем умер брат Григория Кесарий. Родители много плакали о нем. При этом отец писал к Григорий, слезно убеждая его возвратиться домой и помочь ему в старости. Блаженный Григорий, частью боясь послушаться отца, а частью видя нужды Церкви, сильно смущаемой в то время ересью Ария, в которую и отец Григория, как не получивший богословского образования, был отчасти совращен, возвратился из Понта в Назианз. Здесь он помогал состарившемуся отцу в церковном управлении и в хозяйственных заботах, разъяснил ему веред арианской ереси и утвердил его в православии.

По смерти царя Констанция, сына Константина¹⁶, на престол вступил Юлиан, и тогда исполнилось о нем пророчество Григория: великое зло принес этот беззаконник; он открыто отрекся от Христа и воздвиг гонение на Церковь Христову. Святой Григорий боролся с ним многими своими богомудрыми сочинениями, изобличая его заблуждения, пагубные языческие увлечения и ложные еллинские басни. Этот законопреступник царствовал недолго и погиб с позором¹⁷. После него вступил на престол благочестивый царь Иовиан¹⁸, и снова стала процветать вера Христова. После Иовиана вступил на царство арианин Валент¹⁹, и снова арианская ересь стала распространяться; православные были притесняемы повсеместно. Тогда же и в Кесарии Каппадокийской арианство многих совратило к заблуждениям и внесло смуту в Церковь Христову. Даже епископ Евсевий²⁰, недостаточно сведущий в Божественном Писании, начал колебаться и допускать отклонения от истинной веры. Узнав об этом, Святой Григорий написал к нему, советуя упросить авву Василия - возвратиться в Кесарии для борьбы с заблуждениями. Также он писал и к самому святому Василию, дружески советуя и прося, чтобы он, забыв прежний гнев на него Евсевия, отправился в Кесарии на помощь православным и снова утвердил Церковь, колеблемую арианами. Таким образом, Святой Григорий, устроив своими письмами мир между епископом Евсевием и святым Василием, дал возможность святому Василию возвратиться в Кесарию Каппадокийскую. Тотчас по его возвращении, ариане были посрамлены, и одни из них умолкли, а другие бежали. Епископ Евсевий обрадовался

святому Василию. Прожив с ним в дружбе некоторое время, он скончался, а на его место на престол был возведен православными, против воли, Святой Василий Великий. еретики, негодуя по этому поводу и чувствуя озлобление, устроили отделение города Тиан от Кесарии. В Тианах²¹ был в это время епископ Анфим, притворно казавшийся православным, а на самом деле еретик. Он с единомысленными ему епископами отделился от Василия и стал митрополитом Тианским. Таким образом, он устроил разделение Каппадокийской области на две части, благодаря чему возникли продолжительные споры о пределах епархии. Святой Василий, видя, что некоторые города и селения отторгаются от его епархии, задумал устроить дело так: был между Кесарией и Тианами один незначительный и мало известный город Сасима²². В нем Святой Василий рассудил устроить новую епископскую кафедру и поставить там епископом мужа благочестивого; он надеялся этим и прекратить распрю, и многих людей сохранить для благочестия. Не имея в виду для этой цели опытного мужа, он писал к другу своему, святому Григорию, прося его принять посвящение в епископа на кафедру в Сасиме, ибо никто другой не был бы настолько способен утвердить там благочестие, как именно он. Святой Григорий настойчиво отказывался в письмах. Василий много раз писал к нему, но, не достигая желаемого, отправился сам в городе Назианзе и там, посоветовавшись со старым Григорием, епископом Назианзским, отцом Григория, начал вместе с ним убеждать своего друга Григория принять посвящение в святительский сан. Таким образом, Григорий был вынужден занять епископскую кафедру в городе Сасиме. Когда узнал об этом Тианский митрополит Анфим, причислявший Сасиму к пределам своей епархии, то привел туда войско с целью не допустить Григория к занятию кафедры; он подстерегал Григория по пути его следования. Святой Григорий, узнав во время пути о кознях Анфима и о приведенных им войсках, ушел в один монастырь и там ухаживал за больными, а затем поселился в пустыне, ища желательного ему безмолвия. Спустя немного времени, он снова, по просьбе родителей, возвратился в Назианз. Родители его уже сильно состарились и нуждались, по преклонности лет, в его помощи, тем более, что у них уже не было других детей, кроме его одного. Кесарий, другой сын их, уже умер, как об этом уже сказано, - а равно и дочь Горгония уже отошла в вечность²³. Погребение их обоих брат, сей Святой Григорий, почтил надгробными словами. Затем он остался у родителей один, как зеница ока, и ему не представлялось возможности не исполнить просьбы своих родителей. Он должен был послужить их старости и после их кончины совершить над ними обычное погребение.

Когда Святой Григорий возвратился из пустыни в Назианзе, отец его Григорий, уже изнемогая от старости, хотел еще при жизни своей устроить сына на епископской кафедре в Назианзе. К этому он побуждал сына не только убеждениями и просьбами, а и клятвою. Он же не отказывался от попечений о благоустройстве Церкви, не хотел также и послушаться приказание отца, но принять епископский престол отнюдь не желал.

- Невозможно мне, отец, - говорил он, - пока ты еще жив и не отошел в вечность, принять твой престол.

Отец, не настаивая более на принятии сыном престола, и только возлагая на него попечение о Церкви, говорил:

- Пока я жив, будь мне, сын мой, опорой старости, а после моей смерти сделай так, как тебе будет угодно.

Скоро отец святого Григория, престарелый епископ Назианзский, преставился²⁴, пробыв на епископском престоле сорок пять лет. Прожил он всего сто лет. Погребен он был с большим торжеством, при участии святого Василия Великого, прибывшего на погребение. Оставалась еще в живых Нонна, мать святого Григория, друга Василия, но и она в скором времени почилла о Господе, также достигши столетнего возраста²⁵. Святой Григорий, похоронив своих благочестивых родителей, стал свободен от попечений о них; но он хотел еще освободиться и от славы, тем более, что жители родного города понуждали его занять, после отца, епископский престол. Он отправился тайно в Селевкию²⁶ и там оставался при

церкви святой первомученицы Феклы. Оттуда он был вызван дружескими просьбами Василия Великого и, возвратившись, принял попечение о богадельнях и больницах. Святой Василий, чтобы дать приют не имеющим, где главу приклонить, построил обширные здания и, собрав туда нищих и больных, вдовиц, сирот и странников, заботился об ежедневной пище для них, а попечение о них поручил своему возлюбленному другу. Таким образом, Святой Григорий был питателем нищих, служителем больных, успокоителем странников.

В это время от арианской ереси, в течение уже многих лет смущавшей Церковь Божий, произошла, подобно новой голове от какой-то гидры²⁷, новая ересь и соблазняла многих. Это была ересь Македония, хулившего Духа святого. Ариане исповедовали, что Отец есть Бог несозданный, предвечный, а Сын сотворен, притом не единосущен и не соприисносущен Отцу; македоняне же признавали Сына равным Отцу, но хулили Духа святого, причем одни говорили, что Он есть тварь, а не Бог, а другие не признавали его ни Богом, ни тварью. Святой Григорий называл их полуарианами, так как они почитали Сына, но унижали Духа святого. Эта ересь особенно сильно распространялась в Византии. По убеждению святого Василия Великого и по общему совету многих других православных епископов, сошедшихся на собор, Святой Григорий, как муж глубокого разума и сильный в красноречии, должен был отправиться в Византию для опровержения еретического мудрствования и для защиты правых догматов святой веры. Но прежде чем он отправился в Византию, Святой Василий, проболев немного, скончался²⁸. Так угас всемирный светильник веры. Святой Григорий много плакал о нем и, почтив его надгробным словом, отправился в предлежавший ему путь. Когда он достиг царственного города Византии, то был встречен благочестивыми христианами с радостью. Он нашел Церковь Христову до крайности умалившеюся. Количество верующих легко было сосчитать, так как большая часть города пошла в след ересей. Все храмы Божьи, величественные и богато украшенные, были в руках еретиков. Один только небольшой и ветхий храм святой Анастасии, отвергнутый еретиками, был оставлен православным. Святой Григорий тотчас, подобно Давиду, вооружившемуся некогда пращей против филистимлян, вооружился словом Божиим против еретиков, побеждал их в спорах и уничтожил их догматические заблуждения, как бы паутинную сеть. ежедневно он обращал многих от заблуждения к православию своими богомудрыми и боговдохновенными речами и в течение малого времени так увеличил состав верующих членов Церкви Христовой, что невозможно и исчислить; число же еретиков со дня на День уменьшалось, так что сбывалось то, что сказано в Священном Писании о доме Давидовом и доме Сауловом: **"Давид все более и более усиливался, а дом Саулов более и более ослабевал"** (2Цар.3:1). Еще не миновало зло, причиненное Церкви арианами и македонянами, как явился новый еретик из Сирии, Аполлинарий, который неправильно мудрствовал о воплощении Господнем. Он признавал воплощение неистинным: Христос, будто бы, не имел души, а вместо нее - Божество. Будучи красноречив и искусен в эллинской мудрости, он многих увлек в свою ересь, а ученики его разошлись повсеместно, улавливая несведущих в богословской науке и увлекая их, как бы удою, в погибель. Тогда снова добрый подвижник благочестия, Святой Григорий, предпринял великий подвиг, вступил в борьбу с еретиками, отпавших от правой веры обличал, умолял, запрещал, причем одних утверждал в вере, а других восстанавливал от падения. В это же время ученики Аполлинария, вращаясь среди народа, клеветали на святого Григория, будто он разделял Христа на два лица. Усердно рассеивая такую ложь повсеместно, они возбудили гнев и злобу народа против святого: ведь, и капля воды, при частом падении пробивает камень. Люди, неспособные понимать хитросплетенные еретические речи и уразуметь глубину таинства вочеловечения Христа, почитали еретиков, как истинных пастырей, и признавали их православными учителями; истинный же пастырь, поучавший благовести, был признаваем еретиком. Возбудив толпу, они бросали в святого камни, как некогда иудеи - на святого первомученика Стефана; однако, они не могли убить его, так как Бог хранил Своего угодника. Не будучи в состоянии удовлетворить своей злобы, они зверски напали на него и представили на суд начальнику города, как какого-

либо бунтовщика, виновника смуты и волнений. Святой, будучи неповинным ни в каком преступлении, притом отличаясь кротостью и смирением, среди этого бедствия и беспричинного нападения на него народа, молился только Богу, Христу Своему: о имени Твоем, Христе, **"Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной"** (Пс.22:4). Начальник, зная его невиновность и видя несправедную человеческую злобу, отпустил его на свободу. Так, он оказался мучеником, но без ран и истязаний, венценосцем - но без язв, и имел одно лишь желание - пострадать за Христа.

Просияв такими подвигами и упорною борьбою с еретиками, Святой Григорий стал известен всем; повсеместно прославлялась его мудрость, и за нее он получил новое имя от всей святой православной Церкви, имя богослова, подобно первому богослову, святому Иоанну девственнику, возлюбленному ученику Христову. Это имя богослова, хотя свойственно и всем великим учителям и святителям, так как все они богословствовали, достойно прославляя Святую Троицу, однако, святому Григорий оно усвоено особенным образом и стало его дополнительным именем. Оно дано было Григорий Церковью в знак его торжества и победы над многими и великими еретиками. С этого же времени и все стали называть его богословом, Он был глубоко любим православными. Весь сонм благочестивых людей желал видеть его на патриаршем престоле. Притом и александрийский патриарх Петр²⁹, принявший престол после Афанасия Великого, писал к святому Григорию Богослову, поручая ему константинопольский патриарший престол, как достойнейшему и понесшему много трудов на пользу Церкви Христовой. Но тотчас явилось препятствие этому со стороны злобных людей.

Был в Константинополе один греческий философ, из школы циников³⁰, по имени Максим, родом египтянин. Он отличался хитростью, лукавством, лицемерием и злобными намерениями. Явившись к святейшему пастырю, Григорий Богослову, он отрекся от эллинского безбожия и, после крещения, вступил в лоно святой Церкви. Однако он жил в суеете мира и лицемерно прикрывался благоговением, точно овечьей одеждой, в душе оставаясь волком, что и не замедлило обнаружиться. Святитель Божий Григорий, не подозревая его лукавства, а обращение его из язычества в христианство, считая великим делом, приютил его у себя, как сожителя и друга, сделал своим сотрапезником и затем - членом церковного клира. Он же последовал примеру Иуды, - замыслил отступить от своего учителя и духовного отца и начал против него борьбу. Для исполнения своего замысла он нашел и помощника в лице одного пресвитера, не боявшегося Бога и искусного в коварных предприятиях. В союзе с ним Максим начал хитро и тайно действовать, с целью восхитить патриарший престол в Константинополе. Но так как для удачи такого дела необходимо было много денег, чтобы подкупом и подарками склонить к своему единомыслию большинство, то они и начали, прежде всего, заботиться о деньгах. При сатанинской помощи, они скоро нашли желаемое следующим образом. Пришел в Византии с острова Фазоса³¹ один пресвитер, с большою суммою денег, для покупки на церковное строение мраморных досок, привозимых с Проконниса³². Обольстив его различными несбыточными обещаниями, заговорщики отняли деньги, которых было достаточно для достижения лукавого замысла, и послали тайно в Александрию много богатых даров патриарху Петру, а равно его епископам и клирикам, и убедительно просили прислать в Византии епископов, которые возвели бы Максима на патриарший престол. Петр, прельстившись дарами и, как будто, забыв о прежнем своем письме к святому Григорий, тотчас склонился на их просьбы. Он послал в Константинополь египетских епископов, которые и прибыли туда без замедления. Никому ни показавшись, ни пастырю Григорий, ни клиру, ни кому-либо из начальников, они явились с Максимом в церковь во время совершения утрени и уже приступили к рукоположению, желая посвятить Максима в архиепископы. Святой Григорий Богослов был болен. Тотчас об этом стало известно всем. В церковь немедленно собрались пресвитеры, члены клира и множество народа, - как православные, так и еретики. Все, удивляясь такой тонкой хитрости и незаконному посвящению, воспламенились гневом и стали кричать на прибывших епископов, всячески стараясь помешать им в этом

совершенно незаконном деле. С позором удаленные из церкви, они отправились в дом одного флейтиста и там окончили неправильное посвящение, а затем провозгласили Максима константинопольским патриархом при содействии помощников, как из духовных, так и из мирских лиц. Одни из них за согрешения были отлучены от Церкви, другие наняты за плату, а иные обольщены обещаниями даров и почестей; все такие были приверженцами Максима и поддерживали его. Большинство же, притом почетнейшие граждане, воспламенились гневом и порицали Максима резкими укоризнами и упреками; они выражали неудовольствие и самому святому Григорий Богослову за то, что он принял такого человека в сожители себе и удостоил его своей дружбы.

Святой отвечал им:

- Не гневайтесь на меня, мужи, за то, что я благодетельствовал этому человеку, не предвидя его злобы. разве мы повинны в том, что не можем предвидеть чьей-либо злобы? Только одному Богу свойственно знать тайну внутренней жизни человека. Притом, не самым ли законом повелено нам - отечески и с любовью отверзать свое лоно всякому приходящему к нам: **"приходящего ко Мне"**, - говорит Спаситель, **"не изгоню вон"** (Иоан.6:37). Для меня было важно уже и то, что Максим от еллинского заблуждения пришел ко святому крещению и, вместо служения Геркулесу³³, стал служить Святой Троице. Притом, он казался добродетельным, хотя и лицемерно, - но лицемерие его и злоба только теперь явно обнаружилась. Нам не дано исследовать такие дела; мы не проникаем в человеческие помышления, не знаем и будущего, разве только когда Бог откроет нам его. Мы смотрим только на лицо, а сердце видит Бог.

Этими словами народ был успокоен и затем стал относиться еще с большею любовью к святому Григорий Богослову. Максим же отправился вместе с собором египетских епископов, поставивших его в архиереи, к благочестивому царю Феодосию Великому³⁴, находившемуся тогда с войсками в Фессалонике³⁵ и просил об утверждении его прав на Царе градский престол. Он, отверженный человек, не мог получить утверждения на основании церковных уставов, а потому и хотел получить власть управления в церкви по царскому повелению, имея в виду скорее мучительствовать, чем святительствовать. Благочестивый царь сильно разгневался и с угрозами прогнал от себя Максима и прибывших с ним епископов. Тогда все они отправились в Александрию, и там Максим начал строить подобные же козни. Подкупив значительную сумму денег клириков александрийской церкви, Максим дерзко и бесстыдно обратился к патриарху Петру: "или цареградский престол мне исходатайствуй, или я от твоего не отступлю". Пользуясь коварными средствами, он копал ров для патриарха и непременно осуществил бы свое злобное намерение, если бы об этом не узнал скоро начальник города. Опасаясь, чтобы в народе не вспыхнуло волнение, он с позором изгнал Максима из Александрии.

Между тем, Святой Григорий Богослов настолько был удручен в Константинополе телесными болезнями, что вынужден был отказаться от забот по управлению константинопольскою церковью и хотел возвратиться на родину свою, в Назианз. Он решил сказать народу последнее слово, в котором убеждал ревностно хранить веру и творить добрые дела. Народ понял, что он хочет оставить Константинополь. Послышались в церкви восклицания и громкий плач. Все единогласно начали говорить:

- Отец! уходя от нас, ты уводишь с собою и учение о Святой Троице. Без тебя не будет в этом городе и правого исповедания Святой Троицы. Вместе с тобою уйдет из города православие и благочестие.

Слыша эти восклицания и народный плач, Святой Григорий отложил свое намерение и обещал оставаться с ними, пока не будет созван ближайший собор. В это время ожидали, что скоро соберутся епископы и выберут на патриаршество достойного мужа. Этого же ожидал и Святой Григорий: только увидев на патриаршем престоле достойного пастыря, он намеревался возвратиться на родину. Между тем благочестивый царь Феодосий вел войну с варварами и, после победы над ними, возвратился в Константинополь с торжеством. Ариане по-прежнему владели соборною патриаршею церковью и имели своим патриархом

арианина Демофила; у православных же оставался небольшой и ветхий храм святой Анастасии. Царь призвал Демофила и убеждал его - или принять православное исповедание, или же уступить свое место другому. Демофил, будучи ожесточен сердцем, предпочел лучше лишиться престола, чем оставить свои заблуждения. Тогда царь отдал святому Григорию Богослову и всему сонму православных соборную церковь, которою ариане владели сорок лет, а равно и все другие церкви. Когда же архиерей Божий Григорий с клиром и народом хотел войти в церковь, толпа ариан, вооружившись, как бы на войну, стала около церкви, заграждая для православных вход, а святому угрожали смертью. Ариане наняли одного юношу, отважного и дерзкого, чтобы он, незаметно подошедши к Григорию, вонзил ему меч в чрево; но Бог спас Своего верного служителя. Тогда поднялся крик, шум и говор среди ариан. Они непременно причинили бы насилие и зло православным, если бы не явился сам царь и не ввел святого архиерея в церковь. Православные же с великою радостью и весельем восклицали, прославляя Бога, проливая от восторга слезы и воздавая руки кверху. В самом деле, после стольких лет они снова получили свою святыню! При этом они единогласно зывали к царю, прося возвести на патриарший престол Григория Богослова. Святой Григорий, будучи слишком ослаблен своими постоянными телесными недугами, и не имея сил обратиться к народу с речью, в виду общего крика, объявил чрез одного из своих клириков:

- Дети! теперь время благодарения и прославления единого, в Троице, Бога, Который даровал нам опять принять его святую церковь. Поэтому прославим ныне его великие милости, а о патриаршем престоле подумаем после, в другое время.

Народ, выслушав этот ответ святителя, перестал кричать. Затем, по совершении литургии, все разошлись, прославляя Бога; ариане же замолкли посрамленные.

Благодарный царь Феодосий весьма уважал святого Григория Богослова, как отца своего, но он не часто приходил к царю, хорошо памятуя слова Соломона: **"Не учащай входить в дом друга твоего, чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя"** (Прит.25:17). Святой имел большое усердие всегда поучать народ, посещать больных и лечить их, помогать обиженным, защищать слабых и очищать свое стадо от еретических заблуждений. Он удалялся иногда и в деревни, любя безмолвие и стараясь утешать отдыхом свои частые болезни и, таким образом, сделать свое тело способным к дальнейшим трудам. Владея большим церковным имуществом, он не присвоил себе ни одной серебряной монеты, не допрашивал также он и церковных строителей, сколько ими собрано и сколько истрачено. Последнее он считал делом не епископа, а светского правителя. Он наставлял всех хранить чистую совесть. Изнемогши от непрестанных трудов и почтенного возраста, он однажды заболел и лежал в постели. Народ, узнав об этом, пришел посетить его. Он сел на постели и стал спрашивать:

- Чего вы хотите, дети? Зачем вы пришли ко мне?

Пришедшие кланялись ему и благодарили за все труды его, за то, что очистил город от ереси, - за то, что святые церкви, бывшие много лет в руках ариан, возвратил православным, - за то, что много благодетельствовал всем и своим учением и пастырским попечением.

- Ныне же, отче, - говорили они, - если ты отходишь к Богу, то помолись о своем стаде, о благоверном царе и обо всей Церкви.

Святой объявил, что болезнь его не к смерти, а затем, поучив их по обычаю, отпустил. Когда они начали расходиться, остался один юноша, который, ухватившись за ноги святого, со слезами и рыданиями умолял его - простить ему его грех. Святой спрашивал, в чем состоит его грех, но юноша ничего не отвечал, а только рыдал и просил прощения. Один, из находившихся тут, сказал святителю:

- Это - твой убийца, отче! По подстрекательству еретиков, он хотел вонзить меч тебе в чрево, но Христос защитил тебя. Вот он теперь кается, и просит прощения.

Святой сказал юноше:

- Господь наш Иисус Христос да будет милостив к тебе, возлюбленный сын, и да простит тебе твои грехи. Только ты будь с этого времени нашим; оставь ересь и обратись к Христу Богу и служи ему верно.

Так он отпустил юношу, простив его. Весь город, узнав об этом, подивился его незлобию и воспламенился к нему еще большею любовью. Скоро после этого начали собираться в Византии епископы, частью для поставления патриарха в царственном городе, а частью для того, чтобы предать анафеме ереси на втором вселенском соборе³⁶. Когда собрались православные епископы в количестве ста пятидесяти, председателем собора был избран Святой Мелетий антиохийский³⁷. Тогда же Святой Григорий Богослов, вопреки своей воле, и со скорбью, будучи больным, принял патриарший престол, согласившись на просьбы царя и всего народа. Спустя несколько дней, Святой Мелетий, патриарх антиохийский, разболелся и отошел к Господу. Вслед затем явились епископы из Египта и Македонии и стали выражать неудовольствие по поводу назначения Григория патриархом, тем более что он был избран в их отсутствие. Они утверждали, что это назначение было неправильное, так как Григорий поставлен не александрийским, а антиохийским патриархом; между тем, александрийский патриарший престол - первый после римского и от него должно исходить назначение патриарха константинопольского. Между епископами произошли большие несогласия, смуты и распри: одни говорили, что поставление Григория было правильным, а другие возражали; при этом епископы ссорились между собою. Святой Григорий Богослов, видя происшедшие из-за него между епископами распри и ссоры, обратился ко всем им в соборе со словом:

- Я, священные и уважаемые пастыри, - говорил он, - не стремился получить власть над Константинопольскою церковью, а если она возросла и прочно утвердилась моим потом и трудами, то для меня достаточно - угодить этим Богу и от Него ожидать себе воздаяния. Только любовь моего словесного стада и общий суд святителей принудили меня принять престол; ныне же я вижу неприязнь многих ко мне. Знайте же, что я не ищу ни богатства, ни высокого положения и почестей; я не желаю носить звание константинопольского патриарха и без огорчения оставляю епископство; вы же совещайтесь между собою и делайте, что вам угодно. Мне издавна приятна пустыня, и лишаящие нас престола не могут лишить нас Бога.

Сказав это, он вышел и оставил патриарший дом. Он поселился в небольшом, отстоявшем далеко от церкви, домике, избегая разговоров и споров приходивших к нему людей. Однако, многие из народа, приходя к нему, просили его, чтобы он оказал милость своей пастве и не оставлял ее, после того как воспитал и увеличил ее столькими трудами и потом.

- Покажи, отец, - говорили они, - свое расположение к твоим детям, ради которых ты так много потрудишься; посвяти им и остаток дней своих, чтобы мы, просвещенные твоим учительством, имели, после твоей кончины, твое тело.

Святой Григорий, как чадолюбивый отец, смягчился сердцем и недоумевая, что ему делать, просил Бога указать ему путь жизни.

Когда увеличилось число собравшихся епископов, а раздоры и несогласия между ними все еще продолжались, блаженный Григорий, став посреди собора, обратился к ним с речью:

- Мужички и сопастыри мои по управлению святым Христовым стадом! Стыдно вам, поучающим других хранить мир, входить в раздоры между собою! Как вы можете других убедить к согласию и единомыслию, если не можете согласиться сами с собою? Но я умоляю вас пред единосущною и Пресвятою Троицею установить мир и показать взаимную любовь друг к другу, чтобы вы в полном согласии могли устроить церковные дела. Если же я - виновник разногласия и разъединения между вами, то я несколько не достойнее пророка Ионы. Выбросьте меня за борт корабля, - и тогда прекратится для вас волнение. Хотя я и неповинен в этой буре, но я предпочитаю пострадать, если вы этого хотите. Только

примиритесь между собою и будьте единомысленны; свергните меня с престола, изгоните из города, только истину и мир, говорю с пророком Захарием (Зах.8:19), возлюбите. Желая вам здравствовать, священные пастыри! Не забывайте и моих трудов!

Когда он произнес эту речь, все противники его устыдились и умилились его словами. Святой же, оставив собор, задумал возвратиться на родину и пошел просить царя - отпустить его на родину.

Он говорил царю:

- Царь! да воздаст тебе Христос в день суда за все твои благодеяния, оказанные Церкви. Но не откажи мне, державный владыка, в той милости, о которой я ныне попрошу тебя: я не прошу тебя ни о имениях, ни о сродниках; я не ищу многоценных покровителей для жертвенников, а хочу только облегчения трудов своих. Пусть этим прекратится зависть многих; пусть твоим старанием достигнуть согласия епископы! Ты, устранивший дерзость варваров, устрани и раздоры святителей. Укрась твою победоносную державу тем одним, чтобы епископы достигли мира и согласия между собою. Это будет достигнуто, если ты отпустишь меня на родину. Об этой милости я прошу тебя; окажи мне, это последнее благодеяние.

Царь был поражен словами святого и прослезился. Прослезились и бывшие тут сановники. Все чувствовали сильную любовь к святому и не хотели отпускать его. Он же, то ссылаясь на свою старость и постоянные болезни, то указывая на происходящие из-за него раздоры между епископами, продолжал просить царя и, наконец, убедил его - не удерживать его, а отпустить, куда он хочет, дабы остаток дней своих провести в мире и отдохнуть от многих трудов своих. Отпущенный царем, он простился со всеми и дал благожелания мира своим словесным овцам. Когда он удалялся из города, весь народ провожал его и плакал горькими слезами. Тотчас же и некоторые епископы, влюбившие святого Григория и оплакивавшие его, ушли из города и, оставив собор, возвратились каждый к месту своего служения. Таковы были: Григорий Нисский, брат Василия Великого, - Амфилохий Иконийский, Евлогий Эдесский, Елладий Кесарийский, Отрий Мелитинский и многие другие. Оставшиеся же на соборе епископы избрали патриархом сенатора Нектария³⁸.

Святой Григорий Богослов удалился в Каппадокийскую область и поселился на родине, в деревне Арианз. Там он отдыхал, будучи очень слаб. Однако, он не оставлял трудов во славу Божью: он нашел свой отечественный город Назианз зараженным аполлинариевой ересью и старался очистить его и личными увещаниями, и посланиями своими. Когда граждане просили его принять отцовский престол, он отказался, а поставил им епископом одного пресвитера, по имени Евлалия, мужа ревностного в вере и благочестивого. Сам он оставался в полном уединении в селении Арианзе. Там, прожив некоторое время и оставив после себя много назидательных сочинений³⁹, он, в глубокой старости, отошел к нестареющей жизни 25 января⁴⁰. Он был с почетом погребен в городе Назианзе. Спустя много лет, благочестивый царь Константин Багрянородный перенес его честные мощи из Назианза в Константинополь и положил в церкви Святых Апостолов - в помощь и защищение городу и во славу Христа Бога, с Отцом и Святым Духом славимого во веки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Пастырская свирель богословия твоего, риторов победи трубы: якоже бо глубины Духа изыскавшу, и доброты вещания приложишиася тебе. Но моли Христа Бога, отче Григорие, спаситися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Богословным языком твоим, сплетения риторская разрушивый славне, православия одеждею свыше истканую церковь украсил еси: юже и носящи, с нами зовет твоими чады: радуйся отче, богословия уме крайнейший.

1 Вторая или Великая Каппадокия - весьма обширная область в середине восточной части Малой Азии, к западу от верховьев реки Евфрата; некогда Каппадокия была одним из значительных государств Азии, но затем потеряла свою самостоятельность и вошла в состав Римской империи, как ее провинция (в 17 или 18 году по Р. X). - Назианз - маленький городок в юго-западной части Каппадокий; ныне на месте Назианза - лишь развалины в бесплодной местности, наполненной каменоломнями.

2 Ипсистиариане получили свое наименование от того, что они поклонялись Богу, как (существу) "высочайшему" (от греч. слова - высший, высочайший). Они считали себя озаренными свыше, к христианским воззрениям они примешивали языческие (персидские) и иудейские лжеучения. Отвергая идолов и жертвы, Ипсистиариане поклонялись Богу под символами света и огня Они посвящали и соблюдали седьмой День вместо первого и приняли иудейские правила касательно чистой и нечистой пищи. Вообще же об этой секте сохранилось весьма мало известий.

3 В 325 году.

4 1 кн. Царств, гл. 1

5 Святой Григорий Богослов родился около 329 года, в Арианзе, имении его родителей, лежавшем недалеко от Назианза к югу.

6 В IV столетии был вообще обычай откладывать крещение до зрелого возраста, иногда даже, как это было с Константином Великим, до смертного одра, так как опасение умереть некрещенным казался меньшим, чем страх впасть в смертный грех после крещения.

7 Григорий - от греческого бодрствую - значит: бодрствующий, бодрый.

8 Кесарий, брат святого Григория Богослова, за свою святую жизнь причислен к лику святых; память его - 9-го марта.

9 Кесария (на восточном берегу Средиземного моря) была тогда одним из значительнейших городов Палестины и местопребыванием епископа. Там находилась знаменитая христианская школа, основанная известным церковным писателем и ученым III в. Оригеном и после него находившаяся под руководством таких выдающихся христианских богословов, как известный церковный историк Евсевий, епископ Кесарийский, и прославившийся своею ученостью и святою жизнью пресвитер Памфил, окончивший жизнь мученически (память его 16-го февраля); кроме школы, трудами последнего была составлена обширная библиотека из тридцати тысяч томов, благодаря которой приобрели ученость многие отцы и учителя Церкви. - Но прежде образования в Кесарии Палестинской, Святой Григорий Назианзин изучал науки в Кесарии Каппадокийской.

10 В Александрии, центре языческой образованности, издавна был знаменитый музей наук словесных, математических и философских. Но в то же время, в противовес язычеству, еще со времен апостольских, возникло и христианское, так называемое "Огласительное" или "Катехизическое" училище, влияние которого на будущность христианства было многосторонне и неизмеримо. Предание с благоговением приписывало основание этого училища самому апостолу и евангелисту Марку. В первое время в нем преподавались только первоначальные наставления для желавших получить крещение, на что указывает уже самое наименование Александрийского училища "Огласительным", а вместе с тем приготавливались и самые огласители. Но потом Огласительное Александрийское училище, по своему положению в центре всемирной образованности и учености, приняло характер богословско-ученого образовательного заведения, достигшего блестящего состояния, главным образом, благодаря трудам знаменитого Пантена, не менее замечательного ученика и преемника его Климента Александрийского и еще более - Оригена.

11 Хотя Афины - древняя знаменитая столица Греции - в то время были лишь тенью прежнего своего величия, однако там еще процветали школы языческих софистов и риториков, придававшие городу некоторое подобие его прежней славы.

12 Эгина - остров в Сароническом заливе, на восток от Греции между средней и южной Грецией.

13 Самос - один из главных островов Эгейского моря (Архипелага), вблизи западного берега Малой Азии, против мыса Микале, от которого отделен нешироким проливом.

14 Св. Василий Великий - архиепископ Кесарии Каппадокийской; память его 1-го января.

15 Они изучали грамматику, историю, геометрию, астрономию, арифметику и математику, начатки медицины, философию и логику. Много времени занимало изучение классической (римской и греческой) литературы. Многие христиане пренебрежительно относились к чтению великих языческих писателей, но св. Григорий Назианзин и Василий Великий стояли выше столь узкого предрассудка.

16 Это было в 361 году.

17 В 363 году.

18 Царствовал с 363-364 г.

19 Валент царствовал с 364-378 г.

20 Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, славился своей ученостью, написал церковную историю, книгу о палестинских мучениках, описал жизнь Константина Великого; но, при своей учености, уклонился, к сожалению, от православия и был привержен к арианству, хотя прямо и не отступил от православной Церкви.

21 Тианы - древний город Каппадокий, у подножья Тавра, близ киликийских ущелий.

22 Сасима находилась на границах двух новообразовавшихся, вследствие разделения областей, епархий, верстах в пятидесяти от Тиан и тридцати шести от Назианза.

23 Это было в 368 году.

24 Григорий, епископ Назианзский, отец св. Григория Богослова, скончался в 374 году. Почтив память его надгробным словом, Григорий Богослов, по олову, данному отцу, в продолжение некоторого времени управлял назианскою паствою.

25 Праведная мать Григория Богослова скончалась, как и ее муж, в том же 374 году. Она причислена к лику святых; память ее - празднуется 9 августа.

26 Селевкия - название многих городов, по большей части основанных Селевком I. Здесь нужно разуметь Селевкию Исаврийскую, в горной стране, на юго-востоке Малой Азии.

27 Гидра, по мифологии древних греков, - похожее на змею чудовище с 9 головами, которые вновь вырастали, когда их отсекали.

28 Св. Василий скончался в 379 году.

29 Петр II, патриарх александрийский, управлял церковью с 373 - 380 г.

30 Этот неизвестный в Александрии человек принадлежал собственно к худшему разряду искателей приключений из духовенства. Он представлял собою худую смесь суетного мирянина, лицемерного христианина и показного философа. По наружности он выставлял себя аскетом и носил плащ циников (философы, которые выказывали полное презрение к земным благам и поставили целью возможное уменьшение телесных потребностей, почему, впадая в крайность, носили ветхую одежду и отказывались от всех житейских удобств, хотя часто лицемерно).

31 Фазос, ныне Тасо, - остров Эгейского моря (Архипелага), недалеко от фракийского берега.

32 Проконнис - немаловажный остров на Пропонтиде (Мраморном море); известен своими мраморными ломками.

33 Геркулес - герой древне греческих преданий, обладавшей, по верованиям древних греков, сверхъестественною силою, олицетворявшей собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый ими, как один из наиболее излюбленных богов.

34 Царствовал с 379 - 395 год.

35 Фессалоника, иначе Солунь, - весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского или Фракийского залива при Эгейском море (Архипелаге).

36 Второй Вселенский собор начался в 381 году и продолжался три года.

37 Мелетий патриаршествовал с 358 - 381 г.

38 Св. Нектарий патриаршествовал с 381 - 397 год.

39 Сочинения святого Григория Богослова пользовались самым высоким уважением в Церкви Христовой. Они были предметом самого внимательного изучения и весьма многих толкований. Сочинения святого Григория состоят из слов, писем и стихов. Пять слов о Богословии всего лучше показывают, какой Богослов был Григорий. В слове на Пятидесятницу Святой Григорий изображает действия Духа святого и по действиям в Нем дает видеть истинного Бога. В других сочинениях Григорий объясняет догмат о Святой Троице, частью же говорит о других предметах веры. Вообще слова Григория беспримерны по многим отношениям. И по форме, и по тону слова Григория - не беседы, они - в полном смысле ораторские слова. Из 45 его слов - 5 похвальных, 9 - на праздники, иные - защитительные и обличительные. Между праздничными словами святого Григория ныне известны слова: на Рождество Христово, на Крещение или День светов, на Пасху, на Пятидесятницу, на Антипасху, на св. Маманта, о Маккавях, о св. мучениках в неделю Всех Святых. Некоторые слова из его проповедей вошли в состав пасхального канона св. Иоанна Дамаскина и из них составились одна из стихир, пасхальных, оглашающих ныне Церковь, и несколько тропарей канона; Некоторые слова из его проповедей вошли также в состав церковных служб на Рождество Христово, Пятидесятницу и Антипасху. Из защитительных и обличительных слов святого Григория Богослова известен его т. н. "Памятник" Юлиану - два слова, в которых неизгладимо изображено для потомства нечестие Юлиана. Письма Григория относятся к лучшим произведениям словесности. Они большей частью кратки, но в этом полагал достоинства письма Григорий. Песнопения святого Григория разделяются на три разряда: на догматические, нравственные и исторические; в числе последних в большей части он поет о самом себе, о своих немощах и скорбях. Замечательны также его молитвенные песнопения, напр. утренние и вечерние, стихи о жизни, добродетели, суете жизни; все они должны занять первое место между лучшими произведениями творчества. - Церковь почтила святого Григория тем именем, которым она почтила одного высокого между апостолами и евангелистами Иоанна. Это наименование усвоено ему потому, что после первого Богослова Святой Григорий постигал столь высокими и вместе точными помыслами глубины Божества, сколько постигать их можно человеку, при свете Откровения; особенно же вся мысль его, как и первого Богослова, обращена была к Предвечному Слову. Возвышенность помыслов, восходящих во внутреннее (насколько оно доступно) святилище Божье естества, - такая особенность святого Григория, которую в одинаковой с ним мере никто не обладал.

40 Святой Григорий Богослов скончался в 389 году. В Константинополе ему построен был храм неким Патриkiem при Феодосии Младшем в первой половине V века. Мощи святого Григория, перенесенные в Константинополь в 960 году при императоре Константине VI Порфиродном, были разделены: одна часть их положена была в храме Апостолов, другая - в храме св. Анастасии. Есть мощи его ныне и в Риме в соборе св. ап. Петра.

Стихотворения догматические

1. Об Отце¹

Знаю, что на непрочной ладье пускаюсь в дальнее плавание или на малых крыльях уношусь к звездному небу – я, в котором родилась мысль открыть Божество, **5.** или определения великого Бога, и ключ для всего, тогда как и небесным умам недостает сил возблагодарить пред Богом, сколько должно. Впрочем, поскольку Божеству часто бывает приятен дар не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смело изреку слово.

Но кто злочестив, беги прочь! Мое слово простирается или к очищенным, или к трудящимся над очищением себя. **10.** Оскверненные же? Как звери, прикасавшиеся к горе, когда с вершины ее воссиял Христос и писал на скрижалях Моисею закон ([Исх. 19:13](#)), немедленно были побиваемы отторгавшимися камнями, так будет и с ними. Так слово от нашего лика гонит злых, **15.** которые имеют богоборное сердце.

А я положу на страницы предисловием как бы то же, что древле богомудрые мужи – Моисей и Исаия (говорю это знающим), **20.** когда один давал новописанный закон, а другой напоминал о законе

нарушенном, чтобы привести в трепет жестокосердый народ, – представили во свидетельство слова. *Вонми, небо, и да слышит земля глаголы мои* (Втор. 32:1; Ис. 1:2)! Дух Божий! Ты возбуди во мне ум и язык, соделай их громозвучной трубой истины, чтобы усладились все, прилепившиеся сердцем ко всецелому Божеству!

25. Един есть Бог безначальный, безвиновный, неограниченный ничем, или прежде бывшим, или после имеющим быть, и в прошедшем и в будущем объемлющий вечность, беспредельный, благого, великого, Единородного Сына великий Отец, Который в рождении Сына не потерпел ничего свойственного телу, потому что Он – Ум.

Един есть Бог иной, **30.** но не иной по Божеству – сие Слово оного Бога, живая печать Отчая, единый Сын Безначального и Единственный Единственного, во всем равный Отцу (кроме того, что один всецело пребывает Родителем, а другой – Сыном), Мироположник и Правитель, сила и мысль Отца.

35. Един Дух – Бог от благого Бога. Да погибнет всякий, кого не отпечатлел так Дух, чтобы являл Его Божество, у кого или в глубине сердца есть зло, или язык нечист, – эти люди полусветлые, завистливые, эти самоученые мудрецы – этот источник загражденный (Притч. 25:27), светильник, сокрытый в темной пазухе (Лк. 11:33)!

2. О Сыне

3.

Прежде всего прославим Сына, чья кровь – очищение наших немощей. Ибо по причине восставшего на Бога, зломудренного, самоубийственного языка нужно, чтобы и смертный помог небесным.

5. Ничего не было прежде великого Отца, потому что Он все имеет в Себе. И Его знает неотлучный от Отца – Отцом рожденный, безлетный Сын, великого Бога Слово, Образ Первообраза, Естество, равное Родителю. Ибо слава Отца – великий Сын. **10.** А как явился Он от Отца, знает единый Отец и Явившийся от Отца, потому что никто не был близ Божества.

Впрочем, то несомненно известно и всякому человеку и мне, что Божеству нельзя приписывать моего рождения, то есть течения, бесславного сечения. Если я делаюсь родителем не без страдания, потому что составлен из частей, **15.** то не следует из сего, чтобы подлежал страданию Тот, Кто вовсе несложен и бестелесен. Ибо что удивительного, если у тех, которые далеки между собой но естеству, и рождения инаковы? Хотя время и старше меня, но оно все же не прежде Слова, у Которого Родитель безлетен.

20. Как Отец ничего не оставляет для умопредставления выше безначального Божества, так и Сын Отчий имеет началом безлетного

Отца, подобно тому как начало света есть великий и прекраснейший круг солнечный. Впрочем, всякое подобие ниже великого Бога, и опасно, чтобы, **25.** поставив нечто между присносущным

Отцом и присносущным Сыном, не отторгнуть нам Царя-Сына от Царя-Отца. Ибо предполагать, что время или хотение прежде Бога, по моему мнению, значит рассекать Божество. Родитель велик как **Бог**, как Родитель. Но если для Отца выше всего не иметь никакой причины досточтимого Божества, **30.** то и достопоклоняемому Рождению великого Отца не менее высоко иметь такое начало. Не отсекай Бога от Бога, потому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоял от отца.

А слова «не рожденный» и «рождение от Отца» не равнозначительны слову «Божество». **35.** Иначе кто произвел сии два рода Божества? В отношении к Богу оба они не входят в понятие сущности; естество же, по моему разумению, нерассекаемо. Если Слову принадлежит рождение, то Отец, будучи бесплотен, не приемлет ничего свойственного плоти (человеческий ум никогда не дойдет до такого нечестия, чтобы помыслить сие); и ты имеешь Сына-Бога, достойную славу Родителя.

40. Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великого Отца и напрасно вселяя в сердце пустой страх, отринул рождение и Христа низводишь в разряд тварей, то оскорбил ты Божество Обоих. Отец лишен у тебя Сына и Христос не **Бог**, если только Он сотворен. **45.** Ибо все, чего когда-либо не было, принадлежит к тварям; а Рожденное по важным причинам пребывает и всегда будет, равным Богу. Какое же основание тому, что ты, наилучший, чрез Христовы страдания впоследствии, когда преселишься отселе, станешь богом, а Христос – подобным тебе рабом, **50.** вместо Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

Если, как ковач, намереваясь сделать колесницу, готовит молот, так и великий Бог в последствии времени создал полезное орудие, чтобы первородной рукой приобрести меня, – то тварь во многих отношениях будет превосходнее небесного Христа, **55.** если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы стал утверждать сие? Если же Он принял плоть, чтобы помочь твоим немощам, а ты за сие приводишь в меру преславное Божество, то погрешил Милосердствовавший о тебе. А для меня тем более Он чуден, **60.** что и Божества не умалил, и меня спас, как врач, приникнув на мои зловонные струпы.

Он был смертен, но Бог; род Давидов, но Адамов Создатель; плотоносец, но бестелесен; по Матери-Деве описан, но неизмерим. **65.** Ясли вместили Его, но звезда вела к Нему волхвов, и принесшие дары пришли и преклонили пред Ним колена. Как человек,

был Он в борении, но, как неодолимый, в троекратной борьбе препобедил искушителя. Вкушал Он пищу, но напитал тысячи и воду претворил в вино. **70.** Крестился; но очистил грехи; но Дух громогласно провозгласил Его Сыном Безначального. Как смертный, погружался Он в сон и, как Бог, укрощал море. Утомлялся Он в пути, но у изнемогих укреплял силы и колена. Молился, но Кто же внял умиленным мольбам погибающих? **75.** Он был Жертва, но и Архиерей; Жрец, но и Бог; принес в дар Богу кровь, но очистил весь мир; вознесен на крест, но ко кресту пригвоздил грех. К чему же перечислять все подробно? Он к мертвецам приложился, но из мертвых восстал, а прежде Сам воскрешал мертвецов. **80.** Если одно показывало нищету смертного, то другое – богатство Бесплотного. По крайней мере ты, видя в Нем свойственное смертным, не бесчести Божества. Оно соделало славным и перстный образ, который из любви к тебе образовал нетленный Сын.

4. О Святом Духе

5.

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа; не отделяй в слове Того, Кто не исключен по естеству. С трепетом чтим великого Духа: Он мой Бог, Им познал я Бога, Он Сам есть Бог и меня в той жизни творит богом. **5.** Он всемогущ; Он раздаятель даров, предмет песнопений чистого лика небесных и земных; Он Жизнеподатель, сидит на превознесенном престоле, исходит от Отца. Он Божия сила, Самовластитель. Он не Сын (потому что един есть благодный Сын единого Всеблагого), но Он и не вне невидимого Божества, а равночестен.

10. Кто же хочет Божество небесного Духа найти на страницах богодухновенного закона, тот увидит многие частые и вместе сходящиеся стези, если только пожелает видеть, если сколько-нибудь сердцем привлеч чистого Духа и ум у него острозрителен. **15.** А если кто потребует открытых слов вселюбезного Божества, то пусть знает, что неблагоприятно его требование. Ибо доколе большей части смертных не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать невероятного бремени на сердца до крайности немощные. Не для начинающих благовременно совершеннейшее слово. **20.** Кто станет слабым еще глазам показывать полный блеск огня или насыщать их непомерным светом? Лучше постепенно приучать их к яркому блеску, чтобы не повредить и самых источников сладостного света. Так и слово, открыв прежде всецелое Божество ЦаряОтца, **25.** стало озарять светом великую славу Христову, являемую немногим разумным из людей, а потом, яснее открыв Божество Сына, осияло нам и Божество светозарного Духа. И для тех проливалось оно малый свет, большую же

часть предоставило нам, которым потом обильно **30.** и в огненных языках разделен Дух, показавший явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся от земли. Знаю же, что Бог есть огонь для злых и свет для добрых.

Так доказал я тебе Божество Духа. Если же ты приходишь в удивление, частью слыша о Сыне и не-Сыне единого Божества, **35.** а частью убежденный противоположными, удобоизвращаемыми местами Писания, то и здесь Сам Бог снизойдет и подаст мне слово.

От одного первоначального ² произошли жена и Сиф, и половина и порождение четы по законам брака, и нерожденная и рожденный, хотя тот и другая в равной мере были людьми. **40.** Помня сие, и ты не унижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другого. Одно есть естество неизмеримое, несозданное, безлетное, благое, свободное и равночестное. Един есть Бог в трех Озарениях, управляющий миром. Ими и я возбуждаюсь к новой жизни, когда, **45.** погребая **смерть** в купели, возвращаюсь к свету. Ибо Троичное Божество даровало мне силу воссиять светоносным. Нет, не обману тебя, любитель очищения. Если бы я, омытый Божеством, стал рассекать светлое Божество, то лучше бы... но боюсь докончить недоброе слово. **50.** Я входил в купель в надежде сподобиться Божия дара. Если всего меня очистил Бог, то весь Он для меня досточтим. Но неравный Божий дар да получит тот злочестивый смертный, который сам рассекает свое Божество!

55. Если в Божием слове и у богоносных мужей слышишь или о Сыне, или о благом Духе, будто бы Они имеют второе место но Боге Отце, то советую тебе здесь, в словах глубокой мудрости, находить тот смысл, что она не Божество рассекает, но восходит к единому безначальному корню, дабы ты видел единство державы, а не разность досточтимости.

60. Из Единицы Троица, и из Троицы опять Единица. Здесь не то же, что ключевая жила, ключ и большая река, и между тем единый поток, в трех видах стремящийся по земле; не то же, что свеча из пылающего костра, опять в него влагаемая; не то же, что слово, исходящее из ума и в нем пребывающее; **65.** не то же, что отблеск колеблющихся и освещенных солнцем вод, мелькающий на стене, ни на одно мгновение не останавливающийся, но прежде приближения удаляющийся и прежде удаления приближающийся; не то же – потому что естество Божие не есть что-либо непостоянное, или текучее, или опять сливающееся; напротив того, Богу свойственна неизменность.

70. А ты, мудрствуя так, приноси в сердце чистую жертву. В трех Светах одно естество неподвижно. Единица не бесчисленна, потому что покоится в трех Добротах. Троица не в разной мере досточтима, потому что естество не рассекаемо. В Божестве Единица, но тричисленны Те, Которым принадлежит Божество. **75.** Каждый есть единый Бог, если

именуешь одного. И опять, един Бог безначальный, из Которого богатство Божества, когда слово упоминает о Трех. В первом случае проповедуется смертным досточтимостью Трех Светов, во втором мы славим пресветлое единоедержавие **80.** и не восхищаемся многоначальным собором богов. Ибо, по моему рассуждению, многоначалие есть то же, что и совершенное безначалие, находящееся во взаимной борьбе. А борьба предполагает раздор, а раздор быстро ведет к разрушению. Посему многоначалие да будет у меня как можно дальше от Божества!

85. Тремя богами можно было бы назвать тех, которых разделяли бы между собой время, или мысль, или держава, или произволение, – так что каждый никогда бы не был тождествен с прочими, но всегда находился с ними в борьбе. Но у моей Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава; а чрез сие не нарушается и единичность, которой великая слава в единой гармонии Божества.

90. Сие только свету, который во мне, открыло Троичное сияние из-за воскрилий завесы внутрь Божия храма, за которыми сокрыто царственное естество Божие. А если нечто большее открыто ангельским ликам, то еще гораздо более ведомо Самой Троице.

4. О мире

Воспоем и творение великого Бога, опровергнув ложные мнения.

Един Бог; а что представляли эллинские мудрецы о материи и форме, будто они собезначальны, то это ни на чем не основанная басня. **5.** Как все сии почтенные формы, сделанные у них богами, не существовали от начала, но получили бытие по воле великого Бога, так видел ли кто когда-нибудь материю без формы? Или кто нашел форму без материи, хотя и очень много трудился в сокровенных изгибах ума? А я не находил ни тела бесцветного, ни бестелесного **10.** цвета. Кто отделял друг от друга то, чего не отделила природа, но свела воедино? Но отделим форму от материи. Рассуди же: если бы они были вовсе несоединимы, то как бы сошлись вместе, или как бы образовался мир, когда они совершенно отдельные? А если соединяемы, то как соединились? Кто, кроме Бога, слил их между собой? **15.** Но если Бог – соединитель, то Его же признай и Творцом всего. И горшечник на своем колесе дает форму глине, и плавильщик золота – золоту, и каменотесец – камням. Уступи же, любитель безначалия, уступи Богу нечто большее нашего смысла; и это большее пусть будет материя с движущимися формами. **20.** Помыслил многохудожный родитель всяческих – Божий Ум, и произошла материя, облеченная в формы; потому что Он не походит на живописца, в котором видимый перед очами образ

возбудил нечто подобное сему образу, чего не мог бы начертать один ум.

И ты, злая тьма манихейская **25**. не была от начала равнопрестольной высочайшему Свету! Если был Бог, то не было тьмы; потому что зло не могло спорить о равенстве с Богом. Если была тьма, то ты не даешь места Богу: Ему неприлично быть в согласии с тьмой. Если же представишь их в борьбе, преодолет сильнейшее. А если скажешь, что они равносильны, кто третий приводит их в единство своей мудростью и прекращает борьбу? **30**. И то весьма удивительно, что, возбудив ужасную вражду, тотчас забываешь об этой борьбе и представляешь враждующих согласными [между собой]. Я состою из души и тела. И душа есть струя бесконечного света – Божества, а тело производишь ты от темного начала. И столь далеких между собой ты сводишь воедино. **35**. Если я составляю одну общую природу, то вражда мною прекращена. А если жестокая вражда во мне непримирима, то я не составляю одной природы, сопряженной из души и тела. Ибо не враждебные, но дружественные начала дают общее произведение. Такой мрак obleжит твое сердце!

А по моему учению, един есть Бог безначальный, ни с кем не борющийся, един благой Свет, **40**. сила высокошественных умов, простых и сопряженных, небесных и земных; а тьма привзошла впоследствии и есть не какая-либо удобоописуемая самостоятельная природа, но наш, собственно, **грех**. Грех же есть нарушение заповеди, подобно как ночь есть захождение солнца, **45**. немощная старость – минование юности и ужасная зима – следствие удаления солнца вверх. Первейший из небесных светов, по гордости своей утратив свет и славу, преследует всегдашней ненавистью человеческий род. От него и первый человек вкусил убийственного греха **50**. и смерти, которая по его ухищрению возгнела ⁴ во мне пламень. Такова природа высоко родившегося зла, которому он отцом! Ржа – пагуба твердому железу; а я, самоубийца, насадил в себе пагубу – **грех**, по своему умыслению последовав коварным внушениям завистника.

55. Если же и тогда был ты, мир, близок к славе безначальной Троицы, то почему поставили тебя в такой дали христоносные Светы, сведущие в Божественном, и почему весьма небольшое число лет считается после того, как водрузило тебя великое Божие Слово? Но если водружен ты впоследствии, **60**. то спрашиваю: поелику Богу нельзя приписать недеятельности и несовершенства, то чем занята была Божия мысль прежде, нежели Всевышний, царствуя в пустоте веков, создал вселенную и украсил формами? Она созерцала вожденную светлость Своей доброты, равную и равно совершенную светозарность **65**. трисиянного Божества, как известно сие единому

Божеству и кому открыл то **Бог**. Мирородный Ум рассматривал также в великих Своих умопредставлениях Им же составленные образы мира, который произведен впоследствии, но для Бога и тогда был настоящим. **70.** У Бога все пред очами: и что будет, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздел положен временем, что одно впереди, другое позади, а для Бога все сливается в одно и все держится в мышцах великого Божества. Посему внимайте, что изобрел мой ум.

75. Все породил в себе Ум, а рождение вовне совершилось впоследствии благовременно, когда открыло великое Божие Слово. Он восхотел создать умные природы, небесную и земную – сии проницаемые светом зеркала первого Света, чтобы одна, сияя горе´, **80.** пребывала великой светоносной служительницей Царя, другая же имела славу здесь. Он источает им Божество, чтобы царствовать в большем числе небесных умов и для большего числа быть блаженнотворным светом. Ибо таково свойство Царя моего – сообщать блаженство. Но чтобы тварь, приближаясь к Богу, не пожелала равной с Богом славы **85.** и не погналась за светом и славой, тогда как всего лучше соблюдать меру, а чрезмерность всего хуже, – высокое Слово, благопромышляя о будущих тварях, отдалило как от Троицы все окружающее престол Света, так и от ангельских ликов смертную природу. **90.** Впрочем, не очень много отдалило Оно служебную ангельскую природу, а гораздо более нашу природу, потому что мы произошли из персти, соединенной с Божеством, природа же простая совершеннее.

Из миров один сотворен прежде. Это иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, **95.** пресветлая; в нее вступит впоследствии человек Божий, когда, очистив ум и плоть, станет богом. А другой, тленный мир создан для смертных, когда надлежало устроиться и лепоте светил, проповедующих о Боге красотой и величием, и царственному чертогу для образа Божия. **100.** Но первый и последний мир созданы Словом великого Бога.

6. О Промысле

7.

Так водружен широко основанный мир великим бесконечным Умом, Который все носит в Себе и Сам превыше всего. Но что за помысл объять необъятное? Бог, как скоро устроил мир, с первого же мгновения, по великим и непреложным законам, движет и водит его, **5.** как кубарь⁶ходящий от удара кругами. Ибо не самослучайно естество сего обширного и прекрасного мира, которому нельзя и вообразить чего-либо подобного, и в продолжение толикого времени предоставлен он не самослучайным законам. **10.** Видал ли кто дом, или

корабль, или быструю колесницу, или щит и шлем, которые бы не были сделаны руками? Мир не простоял бы столько времени, если бы в нем было безначалие. И лик певцов расстроится, если никто им не правит. Вселенной же не свойственно иметь иного правителя, кроме Того, Кто устроил ее.

15. Ты, который представляешь звезды вождями нашего рождения, нашей жизни и целого мира, скажи: какое еще иное небо прострешь над самыми звездами и над ним поставишь ли еще новое и новое, чтобы было кому водить водящих? Под одной звездой родится один царь и много других людей, из которых иной добр, **20.** а другой худ, один вития, другой купец, третий бродяга, иного же высокий престол делает надменным. Для многих, родившихся под разными звездами, равная участь и на море, и на войне. Кого связывали звезды, тех не связал между собой одинаковый конец. А других, хотя разделили звезды, одинаковая соединила кончина. **25.** Если для каждого есть своя какая-то первая необходимость, то сие чистая басня. А если и над ней господствует еще общая сильнейшая и есть звезды, противные звездам, то кто же смешал их? Ибо кто сочетал, тот, если захочет, и расторгнет союз. А если совершил сие Бог, то как же стало первым то, что заменило у тебя моего Бога, **30.** если и Самого Бога не подчинишь своим звездам? Если же нет господствующего, то как будет стоять мир? Я не вижу этой возможности, хотя бы кто и желал такими рассуждениями изгнать Бога. Ибо необходимо надобно кому-нибудь управлять – или Богу, или звездам.

А я знаю следующее: Бог управляет вселенной. **35.** Божие Слово и здесь и там распределяет все, чему положено в Его совете быть на небесах и на земле; и одним тварям даны навсегда непреложно постоянная стройность и течение, а другим уделена жизнь, изменяющаяся и принимающая многие виды. О них иное явил нам Бог, а иное блюдет в тайниках **40.** Своей премудрости, чем хочет обличить пустое тщеславие смертного; одно поставил Он здесь, а другое явится в последние дни. И земледелец пожинает все зрелое; так и Христос, наилучший судия моей жизни.

Таково мое слово; оно не зависимо от звезд и идет своим путем. **45.** Говори ты мне о своих гороскопах, о мелких частях зодиакального круга и о мерах пути; разорь у меня законы жизни – страх злочестивых и надежду добрых, борющуюся до конца! Если все дает звездный круг, то и я влекусь его же вращением. **50.** И самое хотение производится во мне тем же кругом; нет у меня никакой силы воли или ума, которые бы вели меня к добру; но и к этому влечет меня небо.

Не упоминай мне о великой славе Христовой, звезде благовестнице, которая с востока путеводила волхвов в тот город, **55.** где воссиял Христос – безлетный Сын смертного рода! Она не из числа тех, истолкователями которых [являются] астрологи, но не обыкновенная и не являвшаяся прежде сего, а замеченная в еврейских книгах. Из них предузнав о звезде, посвятившие жизнь звездословию халдеи, **60.** когда с удивлением отличили ее от множества наблюдаемых ими звезд и приметили, что с новым сиянием несется она с востока по воздуху в еврейскую землю, заключили о рождении Царя. И именно в то время, как, вместе с небожителями, поклонились Царю астрологи, отпало у них попечение о своем искусстве.

65. Но пусть текут своим путем, какой указал им Царь-Христос, сии огнистые, вечнодвижущиеся, несобратимые со своих путей звезды, как неподвижные, так и блуждающие, описывающие, как говорят, одни и те же круги; **70.** и мы оставим без исследования, возможна ли природа огня, поддерживаемая без питания, или есть некоторое, так называемое, пятое тело. Что же касается до нас, пойдем своим путем. Ибо мы, хотя узники земные, однако же поспешаем к разумному и небесному естеству.

6. О том же⁷

Прочь от меня те, которые отрицают Божество, которые этого невыразимого благоустройства во вселенной не приписывают никакой всезидущей и вседержавшей Сущности! **5.** Прочь от меня и те, которые признают целый рой богов или владычество добрых и злых духов! Прочь от меня и те, которые отрицают Промысл, как будто боясь получить спасение от Бога, а, напротив того, все в мире или приписывают непостоянному стремлению или подчиняют движению звезд. **10.** Но как и кем приводятся в движение звезды? Если Бог их движет, то почему первоначально то, что вращает Бог? Кто связал что-нибудь, тот может и развязать. А если не Бог движет, как им установиться при безначалии **15.** или при борьбе с Совершеннейшим? И как же не быть здесь борьбе? Ибо отрицание Промысла есть мятеж против Бога. Разве скажешь, что и Бог подчинен судьбе и невольно несет на Себе насильственные узы! Так эти умствователи запутываются в собственных своих учениях.

20. Но у нас единый Бог правит этой вселенной, как Ему угодно; Сам по собственным Своим манованиям и законам премудро приводит все в движение и взаимное сопряжение, хотя по видимому и не все идет благопоспешно. Ибо и в древности и ныне многим из самых мудрых **25.** затруднительными казались примечаемые в здешней

жизни несообразности. И нужно ли перечислять всех? Смотри, что испытывает в себе Давид (Пс. 72:2-14)! Видя, что злые действуют, по их мнению, благоуспешно, приходит он в сильное колебание и боится, чтобы иной самого естества вещей не предоставил слепому стремлению и не подумал, что нет над нами начальствующего. **30.** Впрочем, Давиду известно и решение затруднения. Он говорит: посмотри на конец всякого человека, как он ответствен жизни. Ты посеял; увидишь и колос своего посева. А если ты не знаешь законов, это не значит, чтобы не знало их и Слово. **35.** Ибо, если ты не знаешь живописи, не следует, чтобы не знал ее и живописец. Или, если тебе неизвестны свойства линий, не следует, чтобы они были так же неизвестны геометру, как и тебе. Иное сам ты постиг, а с иным согласишься благоразумно. И то уже признак разума, чтобы покоряться разуму. Ежели все ясно, то скажи: где место вере? **40.** Ибо вера есть непытливое согласие.

А я (и, может быть, разумно) рассуждаю так: тебе при вступлении твоим обещал я не это, не богатство, не беззаботность, не телесное здоровье или благочадие, но блаженную жизнь и ожидаемые блага, **45.** чтобы ты взамен настоящего ожидал себе большего. Справедливо ли же будет, например, при покупке чего-нибудь требовать купленную вещь и удерживать у себя ее цену? Разве тебе одному нужно такое предпочтение перед всеми? Но это означало бы чрезмерную ненасытность и необыкновенную притязательность. **50.** Или отдай назад купленное, любезнейший, или заплати цену, если должно тебе устоять в своем слове и ты не отступаешься от прекрасных условий.

Скажешь: почему же у древних были эти блага? Тогда не укоренилась еще вера, **55.** настоящее служило удостоверением в умопредставляемом: так и младенцев, пока не возрастут, питают молоком. А доказательством сему служит то, что тогда весьма важные преступления были некоторым образом извиняемы и не очень высокие доблести уважались, **60.** так что достоинство с обеих сторон уравнивалось, наказания же, налагаемые мудрыми, превосходили меру. В этом убедят тебя Давид, Моисей и Елисей, которого имя произношу с трепетом. Один легко был наказан за свои грехопадения; другой за небольшие заслуги удостоен Божия лицезрения, принял от Бога закон и спас великое воинство; **65.** третий же за малое оскорбление, и притом детям, сверх ожидания воздал тяжким наказанием. Так прикровен был тогда закон! **70.** Так очищение совершалось кровью жертв и очищение оскверненной плоти – не важным кроплеием! Так почиталось совершенством избегать худого, хотя бы не присовокуплялось ничего больше! И все это потому, что благочестие для живших тогда заключено было в тесные пределы.

75. А сказать ли тебе нечто поважнее доселе сказанного? И это скажу. У них не было такого дара, какой имеем мы в страданиях Бога, в Агнце, закланном за мои грехи. **80.** Поэтому труд их был больше; а если больше, то согласишься, что им следовало и большее воздаяние за труды; а нам следует меньшее, потому что имеем больше средств.

Но вместо всего и прежде всего надобно еще сказать: не очень хвали благополучие здешней жизни, как наученный помышлять о том, что важнее видимого. **85.** Смотри: не ведет ли меня трудный путь на высоту, а тебя удобство пути – к стремнине? По мне лучше изможденная плоть, нежели твоя утучненная. Видал ли ты иногда в загоне волов? Один великоросл, свиреп, лоснится от жира, **90.** высоко держит голову; другой пони головой к земле, морщиноват, некрасив, носит на себе знаки земледелия: и первый сберегается на заколение, а второй кормит и себя и господина. Который же из них, по твоему мнению, имеет лучший жребий: **95.** не изможденный ли, не сокрушенный ли? Это само собой явно. Но ты любишь уширенное, хотя бы это и само по себе было худо и вело к худому. Неужели же станешь хвалить толщину страждущего водяной болезнью? Неужели помешанный в уме покажется тебе человеком крепким? **100.** Неужели сладкое непременно должно быть спасительным врачевством? Многих нередко спасало горькое, а от сладкого всего чаще бывает хуже. Для умного сына не достоин ли уважения родительский жезл? А снисходительность для него не зло ли? **105.** Кто не сын, тот не знает и ударов жезла. А что, если ты, как Иов, подвизаешься ради венцов? Повторяй это чаще сам себе, и тебе не трудно будет найти для себя утешение в трудах, а благодарностью своей приобрести надежду. **110.** Худому только рабу свойственно оказывать уважение господину, когда он улыбается, и почитать его злым, когда наносит удары. Надобно без ропота принимать, куда ни будет повернуто кормило, которым Бог изводит меня из борьбы и жизни, пока не взойду в тихую пристань, **115.** если только не напрасно построил Он этот корабль, но для доброго и благоуспешного конца.